

УДК 792.075(470)
ББК 85.334.3(2)6-8
Р18

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Благодарим автора и театр «Школа современной пьесы»
за предоставленные фотографии

Литературный редактор — *Екатерина Кретьова*

Художник — *Алексей Трегубов*

Подбор фотографий — *Анастасия Чаусова*

Райхельгауз, Иосиф.

Р18 Странные страны. Записки русского путешественника /
И.Л. Райхельгауз — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
304 с. : илл. + [48 вкл.]. — (*Судьба актера. Золотой фонд*).

ISBN 978-5-17-121384-8

«Творческий человек, как актер на сцене, провоцирует и обостряет жизненные обстоятельства. Ему всегда хочется попробовать *другую* еду, познакомиться с *другим* человеком, испытать *другое* чувство, увидеть *другой* пейзаж. Именно такие люди хотят познать вкус бездорожья.»

Режиссер Иосиф Райхельгауз делится своими впечатлениями о многочисленных экспедициях, непредвиденных ситуациях и веселых моментах, участниками которых стали Анатолий Чубайс, Андрей Раппопорт, Михаил Абызов, Леонид Богуславский, Геннадий Миргородский и многие другие.

ДК 792.075(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-121384-8

© И. Л. Райхельгауз, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящаю папе — танкисту,
гонщику, шоферу

Мой папа

Предисловие автора

Папа был водителем в широком смысле этого слова. Водил машину, мотоцикл, трактор, танк... И мне привил любовь к транспорту — тоже разнообразному.

Папины родители — мои дедушка и бабушка — рассказывали, что он полюбил машины совсем еще мальчиком. Автотранспорта в деревне было немного. «Победа» председателя колхоза, которая со временем перешла к деду, занявшем эту должность. Папу завораживали трактора. Он сбегал с уроков, и все знали: Лению надо искать в поле у трактористов. Трактористы научили двигать нужными рычагами, и он уже старшекласником выходил на тракторе пахать и сеять. Довольно рано освоил и мотоцикл. Бесконечно его разбираал, собирал, менял масло, шпаклевал и перекрашивал...

Началась война. Папа в 18 лет ушел на фронт. И, естественно, служба рядового Райхельгауза оказалась связанной с танком и мотоциклом. Механик-водитель. Иногда управлял мотоциклом с коляской, где находился пулеметчик. Легко пересаживался на «полторку» или «зис». На фронте папа был настоящим героем, о чем свидетельствует огромное

количество наград, орденов и медалей, среди которых — Боевого Красного Знамени, два Ордена Славы, представление на третий: третий не получил. Быстро шло наступление, что-то где-то затерялось. Я рассказал о папе Константину Михайловичу Симонову — он проверил в архивах и подтвердил, что это — чистая правда. И тогда он подарил моему папе одну из своих знаменитых трубок и кисет табака, а маме — сборник стихотворений «Жди меня». Еще у папы было много наград за конкретные подвиги. Они меня особенно интересовали. Друзья помогли получить из Центрального военного архива копии представлений командиров к разным наградам, в которых подробно описывается, как именно папа воевал, что сделал. Они у меня дома в рамочках на стене. Еще храню вырезку из газеты «Красная звезда», где написано «Только за дни наступления на Берлин на свой личный счет старший сержант Леонид Райхельгауз записал семьдесят одного уничтоженного гитлеровца».

Эти истории для меня очень важны, хотя вытащить их из папы было непросто. Одну из высших наград он получил за следующее: на территории Польши никак не могли взять какую-то деревню и двинуться дальше. И папа, который не зря «с Одессы» — да и кличка его фронтовая «Ленька Бандит», придумал и предложил командованию хитрую операцию. Они взяли пять мотоциклов с колясками, в которые вместо пулеметчиков поставили пустые бочки из-под горячего, многократно продырявленные автоматными очередями. Сняли где-то фары и повесили

на эти бочки. Когда стемнело, и притомившиеся немцы отправились отдохнуть, эти пять мотоциклов — папа рулил первым — рванули по главной улице. Бочки издавали немыслимый свист. Фары безумно сверкали. Короче, это были не мотоциклы, а какие-то всадники апокалипсиса. Немцы в панике выскакивали без оружия. А за этой безумной кавалькадой уже следовали пулеметчики, поливавшие нацистов очередями. И деревню взяли.

Папа рос в еврейском колхозе, где в школе преподавали идиш, практически, идентичный немецкому. Поэтому, когда брали пленного «языка», командование вызывало Леню переводить. Он был белокурый, светлоглазым и смахивал на немца. Во время допросов пленные нередко принимали его за своего и обвиняли в предательстве.

Николай Васильевич Вдовиченко, фронтовой друг, рассказал, как однажды они попали в жуткое окружение на Украине. Долго пытались прорваться. Когда прорвались, оказалось, что полушубки настолько завшивели, что их нужно сжечь. Перед сожжением, ребята повесили полушубки на деревья и расстреляли их. Им было в этот момент не больше 19–20 лет. По сегодняшним меркам — подростки.

После войны папа сел за руль огромной фуры.

Когда я уже был студентом и учился в Москве, папа из Одессы на этой фуре возил в столицу арбузы. Он подъезжал к общежитию ГИТИСа на Трифоновской улице. Мы все — Боря Морозов, Толя Васильев, Рифкат Исрафилов, Андрюша Андреев (сегодняшние народные артисты и профессора) — стано-

вились цепочкой и перегружали довольно немаленькое количество арбузов из грузовика в общагу. Наша комната была завалена арбузами, и весь пятый режиссерский этаж пировал.

Приезжая в Москву, папа, естественно, привозил не только арбузы, но и сало, чеснок, и вообще все одесское. И самогон. Оставался в общежитии ночевать. Больше всех выпивать с папой любил Толя Васильев, которому удавалось раскрутить Ленку Бандита на всякие страшные рассказы. Толю интересовали самые сокровенные и затаенные воспоминания. Именно ему папа открыл историю, которая меня потрясла. В Белоруссии вошли на танках в какую-то деревню. И увидели, что чуть ли не на каждом дереве висели люди — женщины, дети, старики. Танки пошли дальше и догнали колонну военнопленных немцев. Папа разогнался и проехал прямо по людям. По уставу за такое отдавали под трибунал. Прикрыл его командующий полком, генерал Вайнберг. Сказал только: «Я тебя понимаю. Но больше так не делай, сынок».

Я все допытывался:

— Когда остановились, что было?

— На гусеницах висели окровавленные части человеческих тел...

— Как вы смотрели на это?

— А как они смотрели на повешенных детей?

Так сложилось, что папа смог Вайнберга отблагодарить. В одном из боев генерала тяжело ранило. Тогда он отдал страшный приказ — пристрелить его. Бойцы сначала опешили. Но он настаивал: пристре-

лите, я не должен попасть в плен к немцам. А вам надо прорываться дальше. И когда солдаты уже были готовы стрелять, их остановил папа. И потащил Вайнберга на себе — крепкий был парень. Уже позже Вайнберг получил Звезду Героя Советского Союза. После войны регулярно к нам приезжал. Они с папой выпивали. Вспоминали, как спасли жизнь друг другу.

Папе доводилось на фронте возить и начальство — на хороших легковых автомобилях. Каких-то «виллисах», к примеру. Когда смотрели кино про войну, он комментировал, обсуждал достоинства и недостатки снимавшихся там машин и часто критиковал режиссеров за неточность: вот такого в те времена еще не было!

Когда наши войска вошли в Берлин, командование устроило мотогонки представителей дружественных армий. Папа выступал в самой сложной категории БМВ 750 кубиков. И пришел первым. Перед трибуной, на которой стоял маршал Жуков, папа отпустил руль, встал на педали и отдал честь главнокомандующему. В награду он получил трофейный мотоцикл, на который прикрепили табличку «Старшему сержанту Леониду Райхельгаузу за победу в соревнованиях». А еще ему разрешили на 10 дней уехать в отпуск. 2,5 тысячи км от Берлина до Одессы он преодолел на этом мотоцикле. Приехав в свой еврейский колхоз имени Андрея Иванова, увидел разруху, голод, нищету. Смотался в город, продал этот мотоцикл и купил деду корову и арбу сена. И еще успел сходить в сельский клуб на танцы и сделать 18-летней маме, скромно стоявшей у стеночки в сшитой из дра-

ного мешка юбке, предложение. Получив согласие, отправился обратно в Берлин на перекладных (мотоцикл, как помните, был продан).

И не был бы он Ленькой Бандитом, если бы не исхитрился украсть точно такой же мотоцикл, который принадлежал коменданту Берлина с американской стороны. Они с дружками-однополчанами поменяли номер, прикрутили именную табличку, предусмотрительно снятые с проданной машины. На фото в начале этой книги он запечатлен именно возле того самого украденного мотоцикла. Папе предлагали остаться в Берлине и руководить мотошколой. Выделили квартиру; он даже успел купить гражданский костюм. Был убежден, что они с мамой будут там жить. Но она категорически отказалась: сказала, что не поедет к немцам, убившим ее родителей.

Поэтому папа, демобилизовавшись, вернулся в свой колхоз. Потом они с мамой переехали в Одессу, где получили крохотную проходную комнату в коммуналке — ту самую, где родился я. Чтобы содержать семью, папа завербовался дальнобойщиком на Север. Магадан, Колыма, Дикси... Там ему попадались беглые уголовники. Ездил по этим жутким «трассам» — по совершеннейшему бездорожью, по замерзшим рекам — с оружием.

Заработал денег, вернулся, купил старую «эмку» — кабриолет. Наша комната была завалена запчастями. Папа бесконечно эту «эмку» разбирал, чинил. На ней мы торжественно выезжали на пляж или ехали к бабушке в деревню. И это было невиданное путешествие.

Дальше папа много лет работал шофером. Он водил огромные грузовики, полные рыбы. Какое-то время возил на легковушке директора Одесской швейной фабрики. А выйдя на пенсию, неожиданно снова занялся машинами. Но другими — электронно-вычислительным, стал наладчиком ЭВМ — без образования, без каких-то специальных знаний. Навероятно разбирался в технике.

Когда я был ребенком, для меня самым потрясающим зрелищем — гораздо более увлекательным, чем театр или кино — были мотогонки по вертикальной стене на Привозе. Три мотоциклиста выходили на маленькую арену, заводили свои мотоциклы и начинали кружить, все больше и больше разгоняясь, с бешеным ревом летели по стене, приводя меня и всех остальных зрителей в безумный восторг. На афише значилось: братья Косые. Помню даже их имена: Рудольф, Арнольд и Михаил. Я экономил деньги — откладывал на билет. Дома все время о них захлеб рассказывал. Выслушав очередной мой восторженный монолог, папа сказал: «Ладно, зайдем к ним». Мы пришли «за кулисы» — это был грязный крошечный вагончик. Потом Рудольф Косой отвел нас в павильон. Папа сел на мотоцикл и сделал несколько кругов по той самой вертикальной стене! И вот тогда я окончательно понял, что круче моего папы нет никого.

Когда театр впервые собрался на гастроли в Германию — было это лет 15 назад, папа попросил: «Найди мою подпись на Рейхстаге». Я несколько раз обошел Рейхстаг, но ничего не нашел. Спустя еще

несколько лет, когда папы уже не стало, мы с сестрой вновь оказались в Берлине. И познакомились с директором института, изучающего «русские граффити» — так немцы называют автографы советских солдат. Ей я рассказал о своем отце. Нас завели внутрь — в помещение, где заседает Бундестаг. Оказалось, что внутренние стены также заполнены надписями. И вот там мы увидели подпись папы. Но папа об этом уже не узнал.

Чем дольше живу без папы, тем чаще он мне снится. Советует, как водить машину, как куда-то лучше добраться, как что-то правильно отремонтировать, словом — какие-то совершенно мужские дела.

Когда Анатолий Борисович Чубайс придумал эти поездки по бездорожью, решающим для меня стало то, что они связаны с мотоциклами, квадроциклами, гидроциклами — с транспортом. Папа был бы счастлив. Есть, правда, принципиальная разница между нашими экстремальными путешествиями, которые тщательно подготовлены, снабжены всеми видами страховки — от механиков и врача, до вертолетов, готовых в момент прийти на помощь в экстренной ситуации, — и папиными, где не было ни страховки, ни помощников, ни спутниковой связи. Его риски были настоящими, да и мотивация совершенно иная: выжить самому и спасти других.

Поэтому свои путешествия, и рассказы о них я посвящаю своему отцу, папе Леониду Мироновичу Райхельгаузу, Леньке Бандиту, трактористу, танкисту, мотоциклисту, дальнобойщику, автомеханику, армейскому чемпиону... водителю.

О простых вопросах

Предисловие Анатолия Чубайса

Зачем вы это делаете?

Именно этот вопрос часто задают друзья, услышав о наших походах. Я много раз на него отвечал, но до сих пор так и не уверен, что нашел правильный ответ.

Да, конечно, в походах совершенно уникальная атмосфера — по-настоящему товарищеская.

Да, у нас, видимо, сохранилось какое-то подростковое стремление — испытать, преодолеть, достичь: «Мы сделали это!».

Да, это полное переключение в «другую жизнь», совсем ничего общего не имеющую с нашей, обычной.

Да, нам интересно — увидеть, узнать, почувствовать, понять.

Но есть еще одно. Это — очень просто. Настолько просто, что напрочь забыто большинством жителей современного города, не зависимо от возраста, пола и уровня дохода. Это ответ на простые вопросы.

Что такое «холодно»? Что такое «тепло» или «невыносимо жарко»? Вот именно *н е в ы н о с и м о*. Что такое «умираю, как пить хочу», и чего стоит при